

Глава 1

Мария Стюарт писала: «В моем конце — мое начало»*. Проще согласиться с ней, чем решить, что является началом, а что концом. Когда мисс Сильвер приехала в Меллинг в гости к давней школьной подруге, она оказалась вовлечена в историю, которая началась задолго до того, и чей конец был еще совершенно неизвестен, ибо то, что произошло вчера, непременно влияет на день сегодняшний и задает направление дню завтрашнему. Разумеется, следовать этому направлению не обязательно, но иногда это проще, а простота всегда искушает.

Так где же начинается эта история? Двадцать пять лет назад, когда две юные девицы отправились на танцы и познакомились с одним и тем же юношей? Светловолосая Кэтрин Ли и темноволосая Генриетта Крэй, Кэтрин и Риегта, дальние родственницы, одноклассницы и закадычные подруги; им было по восемнадцать, а Джеймсу Теодульфу Лесситеру едва исполнился двадцать один. Может быть, эта история началась тогда; а может быть, еще раньше, когда три поколения Лесситеров брали от жизни что пожела-

* «En ma fin est mon commencement» (*фр.*) — девиз на тронном балдахине Марии Стюарт, собственноручно вышитый ею в английском плену. — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

ют и платили за это постоянно уменьшающимися капиталами, пока последнему из них осталось лишь захудалое поместье, запущенный старый дом и врожденное убеждение, что ему принадлежит весь мир.

Возможно, эта история началась тогда; а может, чуть позже, когда больше всего на свете Джеймс Лесситер возжелал заполучить Риетту Крэй. Так он ей и сказал в свете майской луны, среди фруктовых деревьев в саду Меллинг-Хауса, когда ей было девятнадцать, а ему двадцать два. Она рассказала об этом Кэтрин, и та посочувствовала: «Ты же знаешь, дорогая, что у него совсем нет денег и тетя Милдред будет вне себя». Миссис Лесситер была тетей Милдред для обеих девушек на основании долгого знакомства и дальних родственных связей. Однако, несмотря на это, любая из них стала бы весьма нежеланной невесткой. Оставшиеся же небольшие семейные деньги Милдред Лесситер крепко держала в своих руках; Джеймс не мог даже пальцем их тронуть. Он отправился в большой мир, чтобы сколотить состояние — с большими надеждами и настроем завоевателя. В двадцать три года Кэтрин вышла замуж за Эдварда Уэлби и уехала из Меллинга, а Риетта осталась на прежнем месте, чтобы ухаживать за матерью-инвалидом и растить сына своей сестры, Карра Робертсона, поскольку Маргарет с мужем жила в Индии. Там Маргарет и умерла, а майор Робертсон, выждав приличествующий срок, снова женился. Он посылал Карру деньги на учебу, но домой не возвращался и постепенно перестал писать. Он умер, когда Карру было пятнадцать.

Может быть, эта история началась тогда, когда Карр был обижен на мир, который прекрасно обхо-

дился без него. А может, она началась, когда Кэтрин Уэлби вернулась в Меллинг бездетной вдовой. Милдред Лесситер была еще жива. Кэтрин отправилась к ней, хорошенько поплакала, и та предложила ей Гейт-Хаус за символическую арендную плату.

— Домик очень миленький, Риетта, весь увит прелестными мелкими розами. И жить на землях Меллинг-Хауса — это так приятно, ты не находишь? Тетя Милдред сказала, что Александр сможет заниматься моим садом вместе со всем остальным. Она очень, очень добра! Я смогу почти ничего не тратить, и это очень кстати, потому что денег у меня будет немного, когда все устроится. То, что дела Эдварда были в таком состоянии, оказалось для меня большим потрясением. Знаешь, когда привыкнешь иметь все, трудно опуститься до того, чтобы считать гроши, ведь правда?

Риетта взглянула на нее со странной мимолетной улыбкой.

— Не знаю, Кэти. Но, видишь ли, я-то никогда не имела... — она намеренно сделала паузу и закончила: — всего.

Через пятнадцать лет после этих событий мисс Сильвер приехала навестить свою давнюю подругу миссис Войси.

Глава 2

Когда поезд остановился на станции в Лентоне, мисс Мод Сильвер убрала во вместительную дамскую сумочку вязание и кошелек, из которого предварительно достала билет, сошла на платформу

с неудобной высокой ступеньки вагона и осмотрелась в поисках носильщика и миссис Войси. Больше всего, разумеется, ее занимал вопрос, узнает ли она подругу после стольких лет, ведь годы легко могли стереть всякое сходство с девушкой, которую она помнила. Сисси Кристофер стала Сесилией Войси, и подруги, некогда учившиеся в одной школе, были теперь пожилыми дамами.

Мисс Сильвер считала, что сама она не сильно изменилась. Задумчиво рассматривая в то утро фотографию, сделанную, когда она окончила школу и намеревалась поступить гувернанткой на свое первое место, она сочла, что даже после стольких лет изменилась она несильно. Сейчас в ее волосах блестела седина, но их природный мышиный цвет все же преобладал, и возможно, будет преобладать до самого конца. Прическу она делала все ту же — челку плотно прижимала вуаль. Черты ее лица не изменились; бледная гладкая кожа увяла, но не утратила ни бледности, ни гладкости. Что касается одежды, то она была другая, но в прежнем стиле: черное пальто, верно служившее ей пятый год, и меховая горжетка, которая за прошедшие десять лет постарела, поблекла и поредела, но до сих пор была такой удобной и уютной. Она даже летом никуда без нее не выезжала, так как богатый опыт подсказывал ей, что погода в деревне может за одну ночь стать чрезвычайно холодной и ветреной. Шляпка почти в точности повторяла ту, что на фотографии, с большим количеством бантиков сзади и букетиком незабудок и анютиных глазок слева. Эти неизменные приметы того, что мисс Сильвер считала хорошим вкусом,

должны были облегчить подруге задачу узнать ее. Но Сисси Кристофер... если честно, с Сисси Кристофер могло произойти что угодно. Из прошлого возникло видение: крупная, костлявая девица, которая всюду совала свой нос, болтушка с огромными ступнями.

Глядя на платформу, мисс Сильвер тряхнула головой и отмахнулась от видения из прошлого, так как к ней приближалась массивная фигура в костюме из плотного клетчатого твида и потрепанной шляпке, сдвинутой на затылок. Это была не Сисси Кристофер, исчезнувшая много лет назад, а, несомненно, Сесилия Войси — румяная, шумная, сердечная и готовая оказать госте самый радушный прием.

Не успела мисс Сильвер понять, что происходит, как Сесилия ее расцеловала.

— Мод! Я бы тебя где угодно узнала! Ну, мы обе, конечно, стали старше на несколько лет — не будем говорить, на сколько. Не то чтоб меня это сильно заботило; я всегда говорю, что пожилой возраст — лучшее время в жизни. Позади всякая утомительная ерунда вроде влюбленностей и желания узнать, что с тобой будет; есть друзья, жизнь устроена и идет весьма приятно. Эй, Хокинс! — Она схватила за рукав проходящего мимо носильщика. — У этой дамы есть багаж. Скажи ему, который чемодан твой, Мод, он принесет его к машине.

Когда они отъехали от станции в маленькой машинке, которая казалась слишком тесной для своей владелицы, миссис Войси громко выразила свое удовольствие от того, что долгожданная встреча наконец состоялась.

— Я дни считала — совсем как раньше, когда учебный год близился к концу. Странно, что мы потеряли друг друга из виду на все эти годы, но ты ведь знаешь, как бывает: клянешься в вечной дружбе, сначала пишешь письма пачками, потом пишешь уже не так часто, а потом вовсе перестаешь писать. Все вокруг новое, знакомишься с разными людьми. А потом я ведь уехала в Индию и вышла замуж. Я была не очень-то счастлива, хотя полагаю, виновата в этом главным образом я сама. Если бы повторить все сначала, чего я ни за что на свете не хотела бы, я бы, наверное, справилась гораздо лучше. Но как бы то ни было, все это в прошлом. Бедняга Джон уже почти двадцать лет как умер, а до того мы с ним жили раздельно. Один из дядьев завещал мне немного денег, так что я смогла уйти от мужа и с тех самых пор живу в Меллинге. Если помнишь, мой отец был тут пастором, так что я всегда чувствовала себя здесь как дома. Он прожил всего год после моего возвращения. У меня свой собственный дом, и мне в нем отлично живется. А ты? Ты ведь начинала работать гувернанткой, что же заставило тебя стать детективом? Знаешь, когда я встретила со своей дальней родственницей Алвинией Грэй и она рассказала мне о тебе и о том жутком убийстве той женщины с сережками, я сперва подумала, что это никак не можешь быть ты. А потом она тебя описала, и я подумала, что, возможно, это ты и есть, и написала тебе, и вот ты здесь! Но ты так и не сказала мне, что заставило тебя этим заняться — то есть стать детективом.

Что бы ни изменилось за долгие годы, Сесилия Войси была все той же болтушкой Сисси Кристофер. Мисс Сильвер чопорно кашлянула.

— Трудно сказать... стечение обстоятельств. Полагаю, мне суждено было этим заняться, и мой учительский опыт оказался весьма ценным.

— Ты непременно должна мне все-все рассказать, — с воодушевлением сказала миссис Войси.

Тут ей пришлось тесно прижаться к обочине, чтобы не наехать на двух молодых людей, стоявших у живой изгороди с противоположной стороны узкой дороги. Мисс Сильвер посмотрела на них с интересом: девушка в алом костюме и высокий молодой человек в широких серых фланелевых брюках и свободном твидовом пиджаке. Девушка была весьма хороша собой, даже слишком. Она странно смотрелась на сельской дороге в осенний день: развевающиеся одежды, волосы цвета бледного золота, ухоженное лицо. У юноши вид был мрачный и измученный.

Миссис Войси махнула рукой из окна машины, проезжая мимо них, и объяснила:

— Карр Робертсон. Приехал навестить свою тетю Риетту Крэй, которая его вырастила. Девушка тоже гостит у нее. Он просто привез ее, даже разрешения не спросил, представляешь! По крайней мере, так сказала Кэтрин Уэлби, а она, кажется, всегда знает обо всех делах Риетты. Ну и манеры нынче! Представляю, что сказал бы мой отец, если бы один из моих братьев просто вошел бы и сказал: «Это Фэнси Белл».

— Фэнси?

— Он ее так называет. Кажется, ее зовут Фрэнсис. И полагаю, мы еще узнаем, что они помолвлены, а то и женаты! — Она от души рассмеялась. — А может, и нет, никогда нельзя знать наверняка. Можно было бы подумать, что, обжегшись на молоке, он на воду станет дуть. Карр ведь уже был женат — на одной взбалмошной блондинке. Она сбежала с другим и вскоре умерла. Прошло всего два года, и тот случай должен был бы научить его осторожности.

— Она очень красива, — мягко заметила мисс Сильвер.

Миссис Войси фыркнула в той же манере, за которую ее так часто бранили в школе.

— У мужчин нет ни капли здравого смысла, — провозгласила она.

Узкая дорога вывела их к типичному сельскому пейзажу: деревенский луг, пруд с утками; церковь со старым кладбищем; дом приходского священника; сельская гостиница с раскачивающейся вывеской, на которой был изображен пшеничный снопок, некогда золотистый, но теперь почти слившийся с блеклым фоном; столбы и сторожка у въезда к большому дому; ряд коттеджей с садами, в которых еще ярко цвели подсолнухи, флоксы и астры.

— Мой дом вон там, на противоположной стороне луга, — сняв руку с руля, показала миссис Войси. — Рядом с церковью — дом приходского священника; слишком уж велик для мистера Эйнджера. Он холост, хозяйство ведет его сестра. Мне она не нравится и никогда не нравилась, хотя не могу сказать, что она не приносит пользы в деревне. Он хотел жениться на Риетте Крэй, но она ему отказа-

ла; не знаю почему — человек он очень приятный. А вон там — дом Риетты, вон тот, маленький, белый, с живой изгородью. Ее отец был местным врачом, очень уважаемым. А аллея, что идет от тех двух столбов, ведет в Меллинг-Хаус. Он принадлежит Лесситерам, но старая миссис Лесситер умерла несколько лет назад, а сын ее не появлялся тут больше двадцати лет, даже на похороны матери не приехал; она умерла во время войны, и его в тот момент не было в Англии. Он был помолвлен с Риеттой, но из этого ничего не вышло; это сейчас он богат, а тогда у них не было денег; так что был обычный роман, какие случаются у молодых. Однако ни он, ни она не завели семью, и теперь нам всем ужасно интересно, что будет, потому что он недавно вернулся. Столько лет прошло! Конечно, вряд ли из этого что-то выйдет, но в деревне делами соседей не интересуется только мертвый.

Тут мисс Сильвер сказала то, что от нее ожидалось: что люди всегда интересуются делами друг друга. Миссис Войси сбросила скорость, чтобы обехать собаку.

— Кыш отсюда, Ровер! Нельзя копать посреди дороги! — Она обернулась к мисс Сильвер. — Однажды его точно кто-нибудь задавит; надеюсь, это буду не я. — Она снова стала показывать. — Кэтрин Уэлби живет в сторожке Меллинг-Хауса, вон там, прямо за столбами. Дом называют Гейт-Хаус, но на самом деле это просто хорошая сторожка. Она приходится Лесситерам родней; это очень удобно, потому что она почти ничего не платит за дом и к тому же может собирать фрукты и овощи в саду и огороде.

Надеюсь, Джеймс Лесситер не выставит ее, потому что если он это сделает, то идти ей совершенно некуда.

Мисс Сильвер кашлянула.

— Она ограничена в средствах?

Миссис Войси энергично кивнула.

— Скорее, у нее почти нет средств, хотя, глядя на нее, никогда так не подумаешь. Я приглашу ее на чай, и ты сама увидишь. Она все еще красива, хотя мне лично всегда больше нравилась Риегта. Они одногодки, обеим сорок три, но сейчас никто не обращает внимания на возраст. Кремы, пудры, умывания, помада, перманентная завивка — по правде говоря, пока сохраняешь фигуру, можно сказать, возраст вообще незаметен. Кэтрин больше тридцати не дашь. Конечно, если растолстеешь, как я, то выходишь из игры; но мне-то все равно, все эти глупости не для меня. Ну вот мы и приехали.

Сказав это, она свернула на неширокую аллею, ведущую к небольшому дому. По обеим сторонам от парадной двери располагались цветущие клумбы с алой геранью и ярко-синей лобелией. Красные кирпичные стены не уступали в яркости цветам. Несмотря на то что дом уже двадцать лет подвергался воздействию стихий, выглядел он так, словно его только что построили, — свежая изумрудно-зеленая краска, сверкающий дверной молоток и опрятный вид в целом. На фоне остальной деревни он выделялся, словно лоскут розовой фланели на старой поблекшей парче. Однако такое сравнение не пришло бы в голову мисс Сильвер, которая не любила раннеанглийскую архитектуру жилых домов: «такие

темные, такие неудобные и частенько полная антисанитария». Она сочла Стейплхерст-Лодж очень удобным жилищем и была рада и тронута, когда давняя подруга взяла ее под руку, нежно прижала к себе и сказала:

— Вот он, мой домик. Надеюсь, тебе понравится в нем гостить.

Глава 3

Кэтрин Уэлби вышла из Гейт-Хауса, прошла между столбов, отмечавших въезд в Меллинг-Хаус, и пошла по тропинке к Белому коттеджу. Несмотря на то что стоял поздний сентябрь, трава по обеим сторонам тропинки все еще зеленела. Хватило бы одного взгляда на нее, чтобы понять, каким было лето, однако сегодня погода была ясная и такая теплая, что Кэтрин даже стало жарковато в жакете и юбке из светло-серой фланели, которая подчеркивала светлый тон ее кожи и ярко-рыжее золото волос. Как сказала миссис Войси, она была очень красива, со стройной фигурой и глазами того же глубокого синего цвета, что и в восемнадцать лет. Но кроме красоты, в ней было кое-что гораздо более необычное: что бы она ни надела, это идеально подходило и к ее внешности, и к случаю. Волосы всегда были уложены красивыми волнами, и прическа никогда не выглядела ни слишком официально, ни небрежно.

Она открыла низкую белую калитку и прошла по выложенной квадратными плитами дорожке, толкнула переднюю дверь мисс Крэй и позвала: